

ПИОНЕР

АВГУСТ

8

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1969 г.

Януш КОРЧАК

ЛЮБОВЬ

ШУТОЧНАЯ ПЕДАГОГИКА

Ладно. Согласен. Ты права. Ты его не любишь, но он тебе нравится. Очень нравится. Все другие мальчики — нет, они какие-то горластые, приставучие, а вот он один — да. Ты даже сама не знаешь, почему. И ты за него боишься. Ты скрываешь эту свою — нет, нет не любовь (для этого надо иметь аттестат зрелости и вообще быть взрослой) ты скрываешь, что он тебе нравится, и ужасно удивлена: откуда я-то знаю. А я один раз видел, как ты срывала с ромашки лепестки и загрустила, когда получилось «не любит».

Уверяю тебя, и ты ему нравишься, он просто не подает вида, боится, как бы вас не засмеяли. Ведь он самолюбив.

Помнишь, тогда пирожные? Он взял себе одно и будто бы с пренебрежением придвинул тарелочку к тебе, ты отказалась, и второе съела та, другая. Он пришел в ярость, что она, а не ты, и со зла выпалил, что у нее красный нос (это он, признаться, выдумал). Конечно, после этого тебе уже неудобно было брать то пирожное, что еще оставалось, ты гордо отказалась.

После этого он тоже гадал на лепестках ромашки и сразу повеселел, стал даже насвистывать: получилось «любит»!

Мальчишек я хорошо знаю, а вот девочкой не был, так, кое-что читал, кое-что слышал от них самих...

Вот, например, одна девочка призналась мне, что любит перед сном поплакать. Наре-

вется вволю и тогда уж заснет спокойным, безмятежным сном. Или положит голову на подушку, и вдруг половина подушки (в ее воображении) — зима, а вторая — весна, цветы, бабочки. И кровать не кровать, а корабль в бушующем море, и рисуются ей путешествия, дальние страны... Или вдруг то, что случится через пять лет.

Кто-то из вас бунтует, кто-то покоряется, а кто-то мечтает, как бы все изменить, чтобы на свете жить стало лучше. О тебе знаю: ты ласковая, умная, ты все понимаешь. Но другие девочки почти всегда недовольны мальчиками. Хотя они ни чуточки не хуже девочек, они просто другие. Я это изучил с математической точностью, ведь математика — королева наук.

Итак, я вел счет: сколько у девочек и у мальчиков клякс и пятен в тетрадах, сколько красивых строчек, сколько отдали сапожнику за подметки мальчишечьи и девчоночьи, сколько у одних и у других грязных ногтей, сколько потеряно мячей, сколько дыр на чулках и разбитых стекол, сколько синяков и перевязок, сколько сломанных перышек и карандашей, сколько потерянных шапок, носовых платков, сколько драк и ссор отдельно у пятидесяти девочек и у пятидесяти мальчиков.

Да, число их непоколебимо, но сколько возражений вызвали мои подсчеты у тех и других!

Мальчик заявляет: «Вы считаете одни драки, посчитайте-ка лучше ссоры, сплетни, жалобы и обиды».

Девочка недовольна: «Вы записали мне шишку на лбу, а ведь это мальчишка толкнул, я из-за него упала. А мой рваный рукав? Ведь, когда мы играли, я первая сказала, что хватать за рукав нельзя. Кляксу в моей тетради мальчишка поставил и ластик взял у меня и потерял. Перевязку вы тоже записали зря, палец я уколола иголкой, когда штопала мальчишечий носок. Из-за него палец стал нарывать».

Учительница без конца жалуется: «От мальчиков никакого спасения: лодыри, грязнули, хулиганы. — Но тут же добавляет: — Все же с мальчиками легче договориться».

Вот и девочки говорят, что без мальчиков как-то тихо и, пожалуй, даже скучно.

Но что же сказала королева наук?

Мальчики в четыре раза подвижнее девочек и в четыре раза шумливее. Не в сто и не в тысячу раз, а именно в четыре. Они горластее в четыре раза и во столько же раз быстрее и живее. От этого никуда не денешься. Народ беспокойный. Вот почему подметок, заплат и штопок на их счету в четыре раза больше. И все они теряют и пачкают и буквы кривые пишут. Для мальчиков сущее страдание — долго сидеть на одном месте, писать, уроки готовить. Уши у них грязные — мальчики мыться не любят, ведь мыться надо, стоя на одном месте, не побежишь с тазом.

А девочки больше любят сидеть, и не удивительно, что пишут в тетрадях они аккуратнее (конечно, есть и исключения).

Мальчики иные, но они ничуть не хуже. На них сыплются жалобы и упреки, но сквозь обиды и укоры проглядывают и дружба и любовь.

Итак, он тебе нравится, очень нравится: ты боишься за его жизнь, ведь он решил стать летчиком. А тебе хочется из двух зол выбрать меньшее: пусть уж лучше станет моряком. Правда, и на море бывают штормы, но на воде спасение вероятнее. Ты хочешь, чтобы он был капитаном корабля, и тогда ты будешь плавать вместе с ним.

Ты боишься, что он вообще умрет. Не расстраивайся, не умрет.

Помнишь, он заболел? Съел кило вишен, четыре яйца вкрутую, три огурца, яблоко и еще что-то, я забыл что, и заболел. А спустя два дня он уже был здоров. Значит, организм у него крепкий. И не такой уж он легкомысленный, как тебе кажется. Вчера сидели мы с ним за столом; он съел всего пять бутербродов с творогом, потянулся было за шестым и вдруг сказал: «Нет, хватит». Видишь, учитывает свой печальный опыт. Не хочет болеть.

Не думай, что любому доверят самолет.

Если у кого-то заболел живот оттого, что он объелся вишен, это неважно его характеризует как летчика. Самолет, видишь ли, до-

рогое сооружение, его не доверят такому оболтусу.

Но он не оболтус, я знаю. Он смелый, в волейбол играет — заглядишься, и на велосипеде ездит лучше всех, и не стал плакать, когда ему досталось в драке, да и подрался — то он из-за тебя.

А как красиво он плавает! Правда, он уверял, что ни за что не стал бы спасать тонущих девочек, но это же была шутка! Ты ведь знаешь: не может мальчик сознаться, что у него доброе сердце. Вот еще — сердце! Парень — и вдруг сердце. Сразу назовут бабой или сумасшедшим.

С каждым годом самолеты становятся все совершеннее и полет безопаснее. Потом он еще слишком юн для летчика. Ты, конечно, можешь посоветовать ему стать моряком, но ведь и на море бывают штормы, есть рифы и мели, хотя есть шлюпки и спасательные круги. К тому времени, когда он станет летчиком, наверное, придумают какие-нибудь спасательные аппараты на случай воздушной катастрофы. Ты можешь осторожно намекнуть, что летчик должен лучше учиться, иначе останется на второй год, и тогда кое-кто не будет с ним в одном классе...

Ты права: никто не знает, что его ждет.

Помню, давно было дело, во время русско-японской войны служил в царской армии офицер, ужасный трус. Как только атака и бой, он притворялся больным и отправлялся в лазарет. Ну и вот отпустили его как-то в город в отпуск на две недели. Он рад, в городе безопасно: можно принять ванну, выпиться на удобной постели в гостинице, в театр пойти. И вдруг поднялся ураган и на голову офицера свалилась вывеска. Мало того, вывеска парикмахера! И что еще хуже, дамского мастера. Врачи кинулись туда-сюда: что делать? Тем временем у офицера началось какое-то осложнение на мозг — что-то еще привязалось, что-то пристало и — пфф, и нет его. Не от вражеской пули, от вывески парикмахера погиб.

Ты не вздумай расстраиваться. Такой мальчишка, как он, не подведет. Он виртуозно играет в волейбол и плавает, надо будет, бешеного пса застрелит, велосипед у него мчится, словно птица, и кучер разрешает ему править лошадьми, он зараз съедает шесть бутербродов с творогом и, смотри, все-таки перешел в следующий класс.

Ну пусть себе болтает, что бог на душу положит, зато он всерьез задумывается над проблемами, которые человечество не может решить вот уже сотни и тысячи лет.

Хочешь его перевоспитать? Попробуй. Мягко и доброжелательно. Ты скорее это можешь, чем взрослые, они слишком много ворчат, читают мораль, а есть вещи, где нужно не холодное, умное, опытное слово, а теплый, добрый, задушевный совет ровесницы. Друга.

Перевела с польского
Евгения МОЙТЛИС.